

ДЕТСКИЕ КНИГИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Е. Асонова

ЯПОНСКИЕ КНИГИ ДЛЯ АССОЦИАТИВНОГО ЧТЕНИЯ

В данном эссе хотелось бы рассказать о том, какие читательские ассоциации вызвали у меня, взрослого читателя, японские детские книги. Первая — школьная повесть 1970-х гг., написанная журналистом Кэндзио Хайтани, «Взгляд кролика». Вторая — жанрово синкретичная «Хиросима», которую создали вместе художница Ири Маруки и автор не только текста, но и в целом концепции книги Тоси Маруки.

Довольно странно в научном журнале о детской литературе, который и создают, и читают взрослые, смотрится рубрика «Детские книги в кругу чтения взрослых». Ведь подавляющее большинство материалов в этом альманахе как раз и представляет собой опыт прочтения книг, написанных для детей, взрослыми: филологами, историками, антропологами, педагогами, критиками. Но я стараюсь перефокусировать свой взрослый взгляд на оптику пусть не ребенка (это сделать невозможно, мне кажется), но хотя бы взрослого, которому предстоит читать вместе с детьми или рекомендовать им что-то для чтения. Для сегодняшней подборки я выбрала способ ассоциативного чтения и буду не столько читать линейно один текст, сколько вписывать читаемое в контекст воспоминаний об уже прочитанном.

ЧЕМ СЭНСЭЙ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ УЧИТЕЛЯ, ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА

Если я правильно понимаю, то все учителя в Японии в равной степени называются сэнсэями¹. Согласитесь, что Котани-сэнсэй звучит точнее, нежели Котани-учитель, хотя второе — довольно точный перевод на русский. Форма «Асонова-учитель» или «Екатерина-старшая» никак не может прижиться в русском общении, «особенность» слова сэнсэй можно «вычитать» только в переводе японской повести на русский язык, понять на стыке культур.

Дополнительная семантика — усиление номинации героя за счет слова «сэнсэй», дающего в русском языке дополнительное значение, отличающееся от русского слова «учитель» (или «старший»), возникает для русского читателя и отсутствует в японском. Думаю, что и само дополнительное — особое — значение наставничества, особой роли учителя-сэнсэя в жизни подопечного связано не столько с японской культурой, сколько с русской.

Похожая ситуация складывается при чтении восточных сказок — китайских, японских, индийских: отраженные в чужом языке реалии собственной культуры как будто бы наполняются новыми смыслами, четче проявляя свое ценностное значение.

Не менее причудливым образом воспринимаются и сюжетные решения повести: русский читатель воспринимает школьные перипетии, описанные Кэндзио Хайтани, как традиционные для Японии. На самом деле японской школе в большей степени присуща строгая дисциплина, упор на зубрежку. Но вот странно — еще одна японская книга журналистки Тэцуко Куроянаги «Тотто тян, маленькая девочка у окна» — автобиографический рассказ снова о необычной школе «Томоз», в которой все отличается от традиционной. Главная героиня повести попала в эту особенную школу, потому что из другой, обычной, школы ее просто выгнали. Школа «Томоз» — это мир, созданный для особых, «неправильных» японских детей. Так получилось, что японские книги о детях и о школе, которые мы читаем, создают в нашем сознании образы удивительных учителей, которые готовы вникать в проблемы своих учеников и искать возможность им помочь, как Котани-сэнсэй. Или образ необыкновенной, почти волшебной школы: ее классы находятся в вагонах, уроки ботаники проходят на берегу пруда, а у директора есть 4 часа, чтобы выслушать новую ученицу. Сейчас школы в Японии гораздо больше похожи на то, что изображено в повестях: в них культивируется уважение к ученику, воспитание не средствами жесткой дисциплины, а за счет создания условий, при которых быть деятельным, внимательным к другому просто и приятно.

Когда я читала повесть «Взгляд кролика» в первый раз, то сочла ее практически гражданским манифестом: роль учителя показалась мне равнозначной роли правозащитника. Настолько сильное впечатление произвел на меня автобиографический герой Хайтани — учитель Адачи, который объявляет голодовку, добиваясь защиты прав своих учеников на доступное образование. Тогда, в 2011 г., это воспринималось как протестное движение. Сейчас, перечитывая

Обложка книги «Взгляд кролика» (М.: Самокат, 2011). Иллюстратор Томоко Хасегава

еще раз, открыла для себя совершенно иной контекст, связанный с образом буддистского храма. Готовность учителей встать на защиту своих учеников — это их готовность разделить с учениками сложившуюся ситуацию. Учителя не пытаются «избавить» детей от наказания, они идут на него вместе с ними; идут зарабатывать необходимые деньги, когда нужно заплатить штраф, выбирая тот способ заработка, который могут разделить с детьми. Суть поступка в том, что учитель не дает денег из своего кармана, а становится партнером

своему ученику. Первым по ассоциативной цепочке вспоминается Януш Корчак. Вслед за его именем в памяти возникает другая школьная повесть — «Когда отдыхают ангелы» Марины Аромштам. Марсем — героиня повести — спорит с Корчаком, спорит сама с собой, со всем миром, который упорно воспринимает учительский труд как подвиг. Между героиней Марины Аромштам и Котани-сенсей практически ничего общего, но их объединяет вписанность в традицию детской литературы. Образ обеих учительниц создан по канонам школьной повести, потому что оба произведения имеют одну важную особенность — предметом изображения в произведении становится внутренний мир взрослого, его переживания, сомнения и даже ошибки.

КАК МНЕ ПОМОГЛО «ПРАВИЛО ЧТЕНИЯ МАНГИ», ИЛИ В ЧЕМ ОСОБЕННОСТЬ ЧТЕНИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ТРАГИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ

Сердцем этой книги является ее послесловие — именно с него я начинаю презентацию книги, если мне нужно ее представить детям или взрослым. Прежде чем читать историю о семье девочки Мии-тян, рассматривать иллюстрации, сопровождающие повествование, я читаю текст, размещенный в конце книги. Он о том, как появился замысел написания истории. Но притягивает мое внимание не столько даже история создания, сколько форма, жанр, в котором выполнен как будто бы комментарий к основному тексту. Это небольшой очерк, в котором спрессованы время, эмоции, чувства. Самым первым задевает одно из них, пока очень трудное для меня:

чувство ответственности перед теми, кому нужно рассказать о пережитом. Образ человека, которому важно рассказать о личной истории, ставшей значимой вехой для всего мира, приобретает значение опорного, все более и более актуального для взрослых, так или иначе занятых продвижением детской литературы. В связи с этим послесловием я не могу не вспомнить проекты Ильи Бернштейна², который создает комментированные издания, вовлекает читателя в практически детективные истории. Но главное — статьи самого Ильи Бернштейна: это всегда диалог с читателем. У издания образуется своя композиция обрамленного комментариями и дополнительным материалом к тексту художественного произведения. В сочетании с полиграфическими способами оформления (иллюстрация, верстка, шрифт, нумерация страниц) такое издание сродни гипертексту сайта. В качестве примера назову одну из недавних работ — издание «Ташкент — город хлебный» Александра Неверова.

Обложка книги «Хиросима» (М.: КомпасГид ИД, 2011). Иллюстратор Маруки Ири

Но вернемся к истории семьи Мии-тян. Сухое, практически лишенное эмоций повествование, лаконичность текста делают книгу похожей на книжку-картинку, так как иллюстрации Ири Маруки комплиментарно дополняют текст Тоси Маруки — наполняют его эмоционально, образно. Однако «Хиросима» — это не графическая новелла и не книжка-картинка (как, например, «Украденные имена» Хосе Тасиеса или «Ничья вещь» Шона Тана); это два разных высказывания: одно о памяти произошедшего, другое — об ужасе и аде случившегося. Иллюстрации погружают в происходящее, текст стремится выводить на поверхность, заставляет смотреть со стороны и думать о произошедшем.

Но вернемся к истории семьи Мии-тян. Сухое, практически лишенное эмоций повествование, лаконичность текста делают книгу похожей на книжку-картинку, так как иллюстрации Ири Маруки комплиментарно дополняют текст Тоси Маруки — наполняют его эмоционально, образно. Однако «Хиросима» — это не графическая новелла и не книжка-картинка (как, например, «Украденные имена» Хосе Тасиеса или «Ничья вещь» Шона Тана); это два разных высказывания: одно о памяти произошедшего, другое — об ужасе и аде случившегося. Иллюстрации погружают в происходящее, текст стремится выводить на поверхность, заставляет смотреть со стороны и думать о произошедшем.

Не скрою — у меня нет общего и понятного образа японских книг — они одновременно очень близки и понятны, но вызывают ощущение недоговоренности и невозможности их понять.

Тем не менее, их присутствие стало привычной частью нашего книжного мира, как в мире материальном привычными, но не перестающими удивлять, стали японская еда, косметика и техника.

Примечания

¹ Сэнсэй в японском языке — это любой старший, слово используется как вежливое обращение к учителю, врачу, другому значительному лицу или старшему по возрасту человеку.

² Издательские проекты Ильи Бернштейна: «Родная речь», «Как это было», «Руслит. Литературные памятники XX века».

Источники

Аромитам М. Когда отдыхают ангелы. М.: КомпасГид, 2011.

Куроянаги Тэцуко. Тотто-тян, маленькая девочка у окна. Перевод М. Левина. М.: Детская литература, 1988.

Тоси Маруки. Хиросима. Перевод Е. Байбиковой. М.: КомпасГид, 2011.

Неверов А. Ташкент — город хлебный. Рассказы. М.: Издательский проект «А и Б», 2016.

Шон Тан. Ничья вещь. Перевод М. Кадетовой. М.: Мир детства Медиа, 2010.

Хосе Тасиес. Украденные имена. Перевод И. Чернявского. М.: КомпасГид, 2011.

Хайтани Кендзиро. Взгляд кролика. Перевод Е. Байбиковой. М.: Самокат, 2010.